

Эльдарион Артур Артурович

ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ КАК КОММУНИКАТИВНОЕ СОБЫТИЕ

Данная статья посвящена философскому осмыслению механизмов формирования современного исторического сознания. Особое внимание уделено нарративным повествованиям, которые могут создать вокруг себя специфическое коммуникативное пространство, способствующее историческому взаимопониманию. В статье обосновывается право на существование в рамках исторических реконструкций особого рода нарратива включенного типа. Выделяются и описываются характерные особенности исторического нарратива как коммуникативного события.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-2/53.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 2. С. 210-214. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список источников

1. **Баяртөр Б.** Дүрслэх урлаг судлал шинжлэл. Улаан-Баатар: Бэмби сан ХХК, 2014. 414 х.
2. **Белокурова С. М.** Образ монгольской женщины в графике З. Уянги // Культура евразийского региона: сборник материалов Международного научно-практического форума. Барнаул, 2017. С. 38-46.
3. **Белокурова С. М.** Основные направления творчества современного монгольского художника Хайнзангийн Содномцэрэн // Снитковские чтения: сборник материалов конференции / под ред. Н. С. Царевой. Барнаул, 2017. С. 45-48.
4. **Белокурова С. М., Мушникова Е. А.** Творческий метод монгольского художника Б. Чогсома // Шестые искусствоведческие Снитковские чтения: сб. материалов XIV науч.-практ. конф. Барнаул, 2016. С. 55-57.
5. **Иккерт Т. В.** Искусство монгольского художника Б. Шарава: опыт интерпретации основных работ [Электронный ресурс] // Искусство Евразии. 2016. № 4. URL: <http://eurasia-art.ru/archive/> (дата обращения: 20.10.2017).
6. **Ломакина И. И.** Марзан Шарав. М.: Изобразительное искусство, 1974. 192 с.
7. **Мушникова Е. А.** Тенденции «сурового стиля» в произведениях монгольских художников второй половины XX века // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы Седьмой всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Барнаул, 2014. С. 515-522.
8. **Содномцэрэн Л., Батчулуун Л.** Монголын дүрслэх урлагийн товч туух. Улаан-Баатар, 1989. 160 х.
9. **Уранчимэг Д.** Отражение кочевой культуры в современном изобразительном искусстве Монголии // Вестник Алтайского государственного технического университета. 2015. № 1-2. С. 149-158.
10. **Учение арга билиг как ось монгольской культуры:** монография / под общ. ред. М. Ю. Шишина. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2013. 181 с.
11. **Чутчева К. А.** Изобразительное искусство Монголии XX века в контексте влияния русской художественной школы: дисс. ... к. искусствоведения. Барнаул, 2006. 297 с.
12. **Шишин М. Ю.** Метаисторический экспрессионизм в творчестве алтайской художницы Ларисы Пастушковой // Идеи и идеалы. 2015. № 3 (25): в 2-х ч. Ч. 2. С. 111-119.
13. **Шишин М. Ю.** Проблема интерпретации произведений искусства: философские ракурсы рассмотрения // Вестник алтайской науки. 2013. № 2: в 2-х ч. Ч. 2. С. 105-112.

**THE MAIN TRENDS IN CONTEMPORARY ART OF MONGOLIA:
THE ATTEMPT OF INTERPRETING WORKS OF ART**

Shishin Mikhail Yur'evich, Doctor in Philosophy
Belokurova Sof'ya Mikhailovna, Ph. D. in Philosophy
Polzunov Altai State Technical University, Barnaul
shishinm@gmail.com; belle.sonet312@gmail.com

Uranchimeg Dorjsuren
Mongolian State University of Arts and Culture, Ulan Bator
uranchimeg_fineart@yahoo.com

The article attempts to generalize the empirical material collected during the joint Russian-Mongolian study on contemporary art of two countries. Based on the analysis of the works of the contemporary Mongolian artists Z. Uyanga, B. Chogsom, H. Sodnometseren the authors draw a conclusion about the main factors forming the specificity of the contemporary Mongolian art. It is observed that the traditional forms of the Mongolian art are the basic component of the creative work of the Mongolian graphic artists and painters.

Key words and phrases: modern Mongolian art; traditional Mongolian art; painting; graphics; ornament; Mongol zurag.

УДК 1; 930.1

Философские науки

Данная статья посвящена философскому осмыслению механизмов формирования современного исторического сознания. Особое внимание уделено нарративным повествованиям, которые могут создать вокруг себя специфическое коммуникативное пространство, способствующее историческому взаимопониманию. В статье обосновывается право на существование в рамках исторических реконструкций особого рода нарратива включенного типа. Выделяются и описываются характерные особенности исторического нарратива как коммуникативного события.

Ключевые слова и фразы: исторический нарратив; история; коммуникация; событие; согласие; дискурс; текст.

Эльдарион Артур Артурович

Морской государственный университет имени адмирала Г. И. Невельского, г. Владивосток
arthorius_mag@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ КАК КОММУНИКАТИВНОЕ СОБЫТИЕ

Отталкиваясь от описанных нами проблем в современной философии истории, появившихся вследствие «нарративного поворота» [9], следует акцентировать внимание на перспективах их преодоления. В рамках

заданного нами направления мысли сегодня можно говорить о новом типе исторического нарратива, который выходит за рамки простого повествования и вступает в поле коммуникации [10]. Выявленные в предыдущей статье функциональные особенности и характерные черты нового типа исторического нарратива, базирующиеся на принципах герменевтики, позволяют нам говорить о своего рода нарративе включенного типа.

В данной статье мы акцентируем внимание на том, что выделенный нами исторический нарратив включенного типа не может существовать вне контекста коммуникативного взаимодействия всего комплекса повествовательных инстанций («автор-читатель», «нарратор-наррататор»), которые характеризуют наш дискурс как нарративный. Встреча всех участников, входящих в данный комплекс, с событием прошлого, где происходит его актуализация в настоящем, происходит в рамках некоторой коммуникативной ситуации, которая выливается в коммуникативное событие общения. Это коммуникативное событие может являться той «полнотой события» (Бахтин), в котором соединяются вместе событие рассказа и событие рассказывания.

Характеризуя исторический нарратив как коммуникативное событие, мы опираемся на работу Тена ван Дейка, где он, в свою очередь, говорит о дискурсе как коммуникативном событии [1]. Практически все то, что ван Дейк пишет по поводу дискурса и коммуникации, так или иначе, относится и к проблеме исторического нарратива. Однако сложность заключается в том, что на сегодняшний день трактовка понятия «дискурс» проблематична и неоднозначна.

Термин «дискурс» до XX века употреблялся в значении «рассуждение» и методологически был связан с естественно-научным знанием. Но в последнее десятилетие XX века он стал активно употребляться, часто без точного определения или как синоним к «высказыванию» и «тексту» [3, с. 40-41]. По большей части термин «нарратив» уступает место термину «дискурс», во всяком случае, может пониматься как род дискурса. В нашем случае понятия дискурса и нарратива связаны, но понятие дискурса шире понятия нарратива. Одно из отличий заключается в том, что дискурс может обойтись без упомянутого нами комплекса повествовательных инстанций, нарратив – нет.

Так или иначе, следуя мысли ван Дейка, дискурс является сложным коммуникативным явлением, которое кроме текста включает в себя «экстралингвистические» факторы, без которых понимание текста проблематично [1, с. 122]. Далее ван Дейк отмечает, что в этом смысле как устные типы дискурса, так и письменные или печатные – все они являются сложными коммуникативными событиями.

Все вышесказанное, так или иначе, справедливо и для исторического нарратива, который, если мы хотим говорить о нарративе неклассического типа, вне коммуникативного события нереализуем. Этот момент, в свою очередь, напрямую связывает исторический нарратив, о котором мы ведем речь, с дискурсом, как его определяет ван Дейк. Как это подтверждается?

Следуя мысли ван Дейка, истории повествуют как минимум о двух вещах: во-первых, о людях, о нас самих и о людях, которых мы знаем; во-вторых, о прошлых действиях или событиях, участниками которых мы являлись. Здесь предпочтительным материалом для любого, в том числе и исторического, рассказа будут интригующие, смешные, сложные, уникальные или недавние события, то есть те события, которые важны как для рассказчика, так и для слушателя. С его помощью реализуется одна из форм субъективной обработки общественной информации, направленная на сообщение того, что знает человек о прошлом. Такого рода повествования о событиях прошлого способны также формировать нормы и ценности, на основе которых может производиться оценка исторических событий.

В отличие от классических научно аргументированных высказываний, беспристрастных утверждений и других «безучастных» суждений объективной истории как науки о фактах, исторический нарратив включенного типа рассказывает об определенных эпизодах, эмоционально значимых событиях. В нем рассказывается о событиях, которые имели место в прошлом, происходили в определенном месте и с определенными людьми и были значимыми для участников. Те ситуации, в которых человек был наблюдателем или участником, по мнению ван Дейка, запечатлеваются в памяти в виде модели ситуации, в свою очередь, рассказ о каком-либо событии «является частичной реализацией такой модели» [Там же, с. 192].

Отсюда становится ясно, почему для ван Дейка дискурс – это сложное коммуникативное событие, не ограниченное рамками конкретного речевого высказывания. Он указывает на определенную «интеракционную» природу этого явления [Там же, с. 197]. Стоит отметить тот факт, что ван Дейк по большей части говорит об устных рассказах, хотя и не отрицает, что в письменных или печатных типах дискурса такая интеракционная природа отсутствует, они лишь менее заметна. По его мнению, писатель, текст, читатель находятся не в таком тесном взаимодействии в пределах единой ситуации, локализованной в пространстве и времени, но данный аспект не лишает такого рода тексты возможности быть понятыми с точки зрения коммуникативного события.

Это позволяет нам в полной мере говорить об историческом нарративе как коммуникативном событии, при этом не столь важно, говорим ли мы о письме или устной речи. Отсюда получается, что любой текст потенциально представляет собой такую коммуникативную ситуацию, которая может стать в итоге коммуникативным событием. Однако, как справедливо указывает Тюпа, наличие говорящего и слушающего далеко еще не гарантирует их действительного общения. Необходимым условием является взаимодействие сознаний, а не только присутствие внешнего обмена ритуальными действиями коммуникативного поведения [7]. При отсутствии момента понимания между участниками коммуникативной ситуации создаваемая историческим нарративом потенциальная возможность коммуникативного события остается нереализованной.

Как следствие, далее видится необходимым сосредоточить внимание на тех формах нарратива, которые способствуют такому моменту понимания и включения всех участников исторического дискурса в единое поле коммуникационного взаимодействия, формируя то самое коммуникативное событие. В этом случае посредством рассказа о событиях прошлого происходит вовлечение всех участников в диалог, актуализирующий проблему того, о чем идет повествование. В этой единой схеме и рождается понятие коммуникативного пространства, которое способствует приобщению к событию и лучшему пониманию прошедшего.

Участники этого коммуникативного взаимодействия способны в итоге договориться друг с другом и прийти к согласию по поводу события, о котором идет речь. Они ставят исследовательскую проблему, решить которую можно, лишь договорившись, на уровне коммуникативного взаимодействия и диалога. Отсюда коммуникативная ценность такого рода взаимодействия может быть выражена как «согласие разноглых, конвергентное схождение несхожих, обретение в себе и в других содержательной общности индивидуальностей» [Там же].

Не каждый рассказ о событии прошлого способен включить нас в это поле коммуникативного взаимодействия, во всяком случае, это не должны быть «мертвые архивы». Речь идет не столько о свидетельствах научного, «стерильного» толка, сколько о содержательно наполненных, живых, «говорящих» свидетельствах участников или недалеких потомков современников происшедшего события. Коммуникативная схема, о которой идет речь, и есть соединение в себе произошедшего события и события рассказывания. Как раз смыслообразующими и основополагающими будут те рассказы о событиях, которые будут способствовать такой коммуникации. И очевидно, что это не беспроблемные, «чистые» тексты, выхолощенные цензурой, а «живые», проблемные тексты, способствующие размышлению и дискуссии.

Таким образом, в историческом познании правомерным и обоснованным видится необходимость ориентации на такие тексты, которые включают в дискуссию, создают проблему (Сыров), вызывают переживания (Дильтей и др.), способствуют пониманию. Что это за тексты? Тексты, которые консолидируют вокруг себя аудиторию как автора, так и читателя. Естественно, «текст» здесь понимается в достаточно широком значении, множественность способов его понимания продиктована устойчивым интересом к тексту в результате произошедшего герменевтического поворота в философии и культуре в последние десятилетия XX века [3, с. 7-8]. Мы же, в свою очередь, только попытаемся показать различные жанровые формы и виды некоторых из таких «текстов».

Исходя из всего сказанного нами ранее, к формам исторического нарратива, способным создать вокруг себя необходимое коммуникативное поле, можно отнести следующие: во-первых, миф, эпос и исторический роман, своего рода нарративы социокультурного происхождения, формирование которых мы можем наблюдать со времен античности. Во-вторых, нарративы личного происхождения – письма, дневники, мемуары, то, что сегодня принято называть эго-документы. В-третьих, современные способы нарративной организации исторических событий – фотохроники и документальное кино.

Отдельный рассказ, фрагмент, источник мы берем и встраиваем в социальную коммуникацию по поводу события, что, в свою очередь, приводит к вторичной нарративизации события. На сегодняшний день в большинстве случаев рассказ о прошлом как коммуникативное событие реализуется через обращение к нарративам личного происхождения. Именно на них мы и сосредоточим свое внимание. Как говорят современники, в первую очередь, важны именно такие первичные нарративы. Важны люди, у которых есть архивы, есть воспоминания, письма, фотографии. Речь идет не только про семейные архивы, но в каждой семье будет свой уникальный рассказ, достойный того коммуникативного события, о котором идет речь.

Термин «эго-источник» имеет западные корни, но не стоит воспринимать этот термин как нарушение отечественной традиции классификации источников и посягательство на понятие «источники личного происхождения». Мы не будем вступать в полемику и, отказавшись от любых конфронтационных положений, укажем лишь на то, что эти исторические источники хорошо дополняют друг друга. Как говорится в современных исследованиях, западная и российская традиции идентификации источников могут без проблем существовать параллельно [4, с. 10].

В широком смысле понятие «эго-документ» используется для объединения в одну группу документально-художественных произведений различных жанровых форм, таких как автобиографии, мемуары, дневники и письма. Традиционно к понятию «эго-документ» относят такие исторические источники, в которых исследователь сталкивается только с «я» пишущего, но, несмотря на это, сегодня можно говорить и о том, что эго-источники могут раскрыть нам как мир отдельной личности, так и ее социально обусловленные параметры. Таким образом, как мы попытаемся показать далее, автокоммуникативные особенности такого рода нарративов вполне могут выполнять и коммуникативные функции.

Скажем, дневник как форма исторической наррации представляет собой письменный источник информации о событии, имеющем автокоммуникативный характер. Для нас дневники являются важными, так как событие, обладающее автокоммуникативным характером, уже несет в себе зачаток рассказываемости. Поэтому автокоммуникативная установка дневника развивается в собственно коммуникативную и внутренняя потенциальная нарративность развертывается уже во внешнем нарративе, где мы можем говорить уже о частной переписке, мемуарах вплоть до исторического романа.

Несомненно, личный дневник – это пример автокоммуникации, когда автор становится читателем собственных записей. Но, как указывает Ю. Л. Троицкий, избыточность автокоммуникации снижается за счет временного разрыва между письмом и чтением, перечитывание своих прошлых записей позволяет

«путешествовать» в собственное прошлое [6, с. 15]. Можно сказать, что если автор не перечитывает собственный дневник, то дневник перестает выполнять функцию автокоммуникации. Чтение дневника потомками автора позволяет «путешествовать» в прошлое описываемого события, в прошлое автора. В данном случае расширяется и усложняется формула личного дневника: от автокоммуникативной («Я – Я») до коммуникативной («Я – Я, Ты, Вы») [Там же].

Дневник дает возможность «подсмотреть свой заочный образ» (Бахтин), становясь зеркалом самовыражения автора, впоследствии же получает возможность стать выражением эпохи, через включение в поле дневника далекого будущего читателя. Здесь мы можем отметить то, что дневниковый нарратив позволяет говорить о двух разделенных временем процессах – письмо и чтение. Важно отметить, чем больше временная дистанция между этими действиями, тем эффективнее коммуникативное свойство дневника, фиксирующего и описывающего внешние и «внутренние» события, в которые включен автор.

Если продолжать развивать коммуникативную составляющую исторического нарратива и исходить из характеристики нарратива как продукта, который конструируется структурой коммуникации, нельзя пройти мимо идей Ю. Хабермаса. Одной из основных категорий теории коммуникативного действия у Хабермаса выступает жизненный мир. С его точки зрения, дискурсивная этика может быть обоснована лишь только при обращении к ресурсам жизненного мира [8, с. 104]. Если Э. Гуссерль в исследовании жизненного мира за отправную точку берет субъективное сознание, впоследствии выходя на уровень intersubjectivity, то рассуждения Хабермаса уже отличаются от традиционной феноменологии. Он переносит внимание с исследования субъективного сознания на коммуникацию, в процессе которой формируется жизненный мир. Со структурой жизненного мира могут быть связаны разные формы нарратива, например, можно говорить о репрезентации жизненного мира в автобиографическом нарративе [2, с. 39].

При рассмотрении автобиографического нарратива в контексте коммуникативного события следует указать на то, что в нашем случае стоит говорить об историческом нарративе в целом, одной из форм которого, конечно же, выступает и автобиографический нарратив, наряду с другими источниками личного происхождения. Автобиографический нарратив в данном случае может являться одной из форм коммуникативного действия, способствующего вовлечению в коммуникативное поле взаимодействия и создающего условия для достижения коммуникативного согласия между всеми участниками исторического дискурса. Так или иначе, для нас важным остается тот факт, что Хабермас в своей работе указывает на возможность исследования жизненного мира посредством анализа повествовательных стратегий. Концепция жизненного мира и теория коммуникативного действия Хабермаса позволяет по-новому подойти к пониманию исторического нарратива, с одной стороны, и интерпретации исторического текста – с другой. В историческом познании они могут рассматриваться как диалогическое, коммуникативное взаимодействие рассказчика (нарратор) и слушателя (наррататор), каждый из которых существует в собственном жизненном мире.

Однако следует учитывать, что коммуникация, о которой идет речь в данной статье, «не может и не должна сводиться к одностороннему воздействию адресанта на адресата и принуждению его к пониманию» [5, с. 86]. Исторический текст может конструироваться коммуникативным отношением, но необходимо учитывать определенные нюансы. Как справедливо отмечает Сыров, к организации научного текста можно применить идею «открытого» текста У. Эко, где в момент создания текста изначально предусмотрена роль адресата. Открытость здесь, по убеждению Сырова, «будет предполагать не призыв и предрасположенность к богатству интерпретаций, а приглашение к дискуссии, призыв участвовать в полемике» [Там же].

Отсюда следует, что обращение именно к такого рода «текстам», будь то письма, дневники, воспоминания, фотографии и т.п., при актуализации исторической событийности «здесь и сейчас» видится сегодня весьма актуальным, так как именно они позволяют решать задачи, возникающие перед исторической дисциплиной в современной ситуации. Одной из таких задач является нахождение консенсуса в отношении к определенному историческому событию. Так как современное общество характеризуется враждой мнений и пониманий определенного исторического события (например, революции, гражданские войны, мировые войны), необходимо решение по снижению данной напряженности. Нахождению такого консенсуса будет способствовать стремление всех участников исторического дискурса объединиться в понимании актуализируемого здесь и сейчас исторического события посредством нарратива включенного типа. Ясно, что разногласия и споры должны быть и будут, но не должно быть вражды по поводу этих разногласий. Разногласия вместо вражды, стремление к дискуссии, диалогу и коммуникации.

Необходимо говорить сейчас о событиях прошлого, которые представлены нам через «первичный нарратив», зафиксированный в нарративных источниках (фото, видео, беседы, дневники, письма, автобиография и т.п.). Взаимодействуя с другими участниками диалога по поводу исторического события, мы создаем своего рода «вторичный нарратив», который можно также назвать неким специфическим коммуникативным пространством. Именно это пространство позволяет актуализировать здесь и сейчас историческое событие, сделать его значимым в качестве актуального настоящего, в свою очередь, такое коммуникативное пространство реализуемо через взаимодействие с «первичным» историческим нарративом прошлого. Вторичный нарратив – это такая ситуация, такое коммуникативное пространство, когда есть рассказчик, транслирующий, читающий рассказ, рассказ современников прошедшего события, и есть другие слушающие (воспринимающие) его рассказ и участвующие в нем. Посредством взаимодействия с тем, что рассказывали о настоящем там, в прошлом, создаются условия для существования исторического события в настоящем. Именно благодаря

наличие такого коммуникативного пространства и возможно формирование некоего общего согласия по поводу исторического события, появляется возможность достижения исторического взаимопонимания. Это и будет своего рода вторичный нарратив, когда при включении меня в ситуацию прошлого посредством столкновения с историческими рассказами формируется мой собственный рассказ истории.

Список источников

1. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна дэ Куртенэ, 2000. 308 с.
2. Дивисенко К. С. (Авто)биографический нарратив как коммуникационное действие и репрезентация жизненного мира // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 36-52.
3. Пузько В. И. Множественность способов понимания текста. Владивосток: Дальнаука, 2008. 348 с.
4. Суржикова Н. В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? // История в эго-документах: исследования и источники: сб. статей / гл. ред. Н. В. Суржикова. Екатеринбург: АсПУр, 2014. С. 6-13.
5. Сыров В. Н. Коммуникация и историческое познание // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2015. № 3 (29). С. 84-91.
6. Троицкий Ю. Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // История в эго-документах: исследования и источники: сб. статей / гл. ред. Н. В. Суржикова. Екатеринбург: АсПУр, 2014. С. 14-31.
7. Тюпа В. И. Коммуникативное событие урока [Электронный ресурс]. URL: <http://cdo.rggu.ru/article.html?id=1243> (дата обращения: 23.10.2017).
8. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 380 с.
9. Эльдарин А. А. «Нарративный поворот» в современной философии истории: проблемы и перспективы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (77): в 2-х ч. Ч. 2. С. 209-212.
10. Эльдарин А. А. Рассказывая историю: коммуникативное согласие и нарратив // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Т. 6. № 3А. С. 170-177.

HISTORICAL NARRATIVE AS A COMMUNICATIVE EVENT

El'darion Artur Arturovich

*Maritime State University named after admiral G. I. Nevelskoy, Vladivostok
arthorius_mag@mail.ru*

This article is devoted to the philosophical interpretation of the mechanisms of modern historical consciousness formation. Particular attention is paid to narratives that can create a specific communicative space around them that promotes historical understanding. The article substantiates the right to existence of a special kind of narrative of the included type within the framework of historical reconstructions. The characteristic features of the historical narrative as a communicative event are singled out and described.

Key words and phrases: historical narrative; history; communication; event; agreement; discourse; text.

УДК 394.014

Исторические науки и археология

Статья посвящена формированию современного городского ландшафта, возникающего на стыке традиции и инновации. Процессы глобализации, миграции иноэтнического населения постоянно изменяют культурный ландшафт современного города. В отдельных случаях новое пространство несет субъекту угрозу, заставляя его покинуть привычное для него пространство, но в других случаях он сам стремится к постижению и потреблению Чужого пространства, присваивая его и инкорпорируя в свою культуру. Все это хорошо заметно на примере современной алиментарной традиции.

Ключевые слова и фразы: Чужой; пространство; городская среда; гетеротопия; алиментарная культура; межкультурная коммуникация.

Якушенков Сергей Николаевич, д.и.н., профессор
*Астраханский государственный университет
shuilong@mail.ru*

ЧУЖИЕ ПРОСТРАНСТВА: НОВЫЕ ФОРМЫ ГЕТЕРОТОПИЙ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

*Статья подготовлена при поддержке РФФИ 15-03-00402 "а"
«Чужой/Другой в меняющемся мире: от онтологии к гносеологической типологизации».*

Городское пространство, как правило, воспринимается нами с помощью определенных объектов, замечаемых нами в процессе перемещения по городу. Нередко основным критерием нашего внимания к городскому